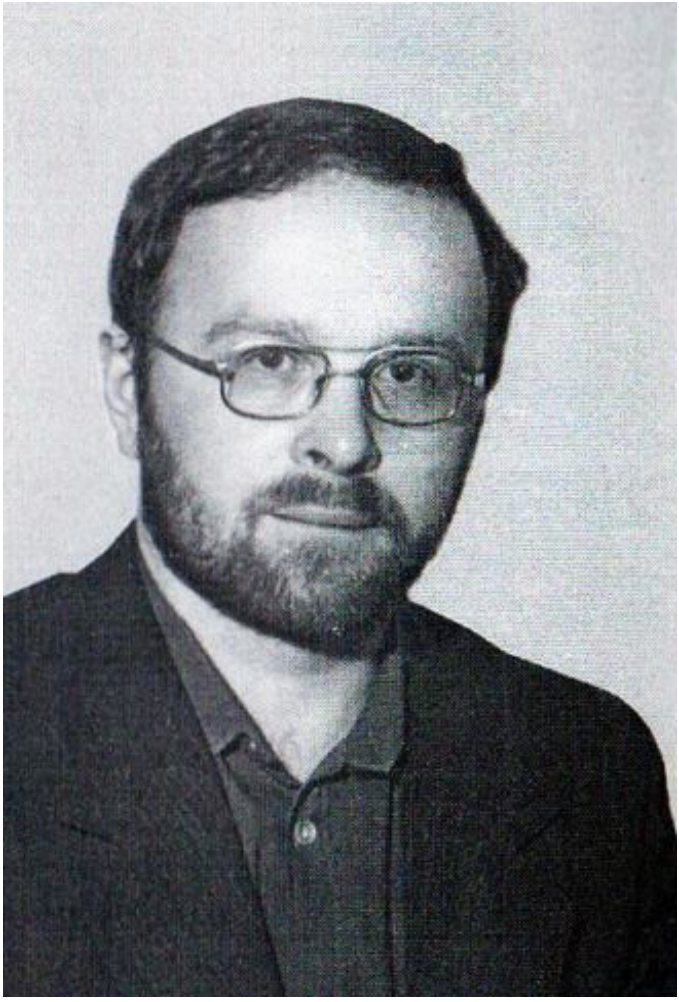
Виталий Иванов

Неизвестная страна



Виталий ИВАНОВ

НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНА

стихотворения

Санкт-Петербург
«ЛИО РЕДАКТОР»
1998

Издание осуществлено за счет средств автора
84.Р7
И 18

Виталий Иванов родился, живет и работает в городе на Неве. По образованию он — инженер-конструктор, по увлечению — философ. Стихи начал писать в пятнадцать лет. Печатался в альманахах «Молодой Ленинград» (1977), «Вече» (1998), в журнале «Сердце» (1994). В 1992 году отдельным изданием выпустил философские эссе «Мысли о вечном. Свой путь России». Пятитысячный тираж разошелся быстро.

Настоящая книга стихов отражает две стороны творчества Виталия Иванова — философскую и лирическую. Десятилетие безвременья — 70-е — 80-е годы — подчеркнуто названием книги — «Неизвестная страна».

Здесь уже ставится вопрос социальный: «Куда идти?.. Зачем я здесь?» И дается ответ, как жить: «Пробовать, ошибаться — жить, а не умирать...»

ISBN 5—7058—0343—5 © В. А. Иванов, 1998.

I. НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНА

КОЛОКОЛА

Не знаю я, куда мне боль нести.
Но пепел долго не лежит у дома...
Мне все равно — лететь или ползти,
Сегодня все пути мне не знакомы.

Развеют пепел вольные ветра.
Веди меня, заветная дорога, —
Туда, где каждый вечер до утра
Звонят, пока не дозвонятся Бога!..

1980

ПУСТОЙ ШУМ

Вселенский шум идет в народе.
Как громко! — Слышно сквозь стекло.
Там что-нибудь произошло!
Выскакиваю... Кто? Кого?

Но ничего не происходит,
И сам собою шум проходит,
Как будто не было его...

30 августа 1987

ОТЧИСЛЕННЫЕ СО СЛУЖБЫ

Когда мы Мечту хоронили,
Немного собралось нас...
И трубы уже не трубили,
Как в гордый рождения час.

И не шелестели знамена,
И не говорилось речей...
Лишь молча и отстраненно
Мы вспомнили палачей.

И Ту, что светила людям...
И вот Ее больше нет,
И больше её не будет,
И нам не узнать ответ...

4 июля 1987

* * *

Пустынный мир. Пустыня позади.
И впереди — бескрайняя пустыня.
Куда идти?.. А слышу я: «Иди!» —
И не стоять же, правда, посредине?..

Как мало в этой жизни знаю я!
Зачем я здесь? Зачем мы все — в пустыне?
И кто зовет настойчиво меня
Искать предел проклятой середине?..

1980

СИРЕНЕВЫЕ ГОРЫ

На водопадах глотку рвет вода.
Над облаками — звездные просторы.
Мне все равно... Ты знаешь, никогда
Я не уйду в Сиреневые горы.

Прокурен воздух, вымучен и мертв.
Прошедший день зачеркнут и отброшен.
Я снова миру делаю аборт,
Выбрасывая лишних мыслей ношу.

Я говорю, что я тебя люблю,
Я повторяю все твои названья.
Как будто сон! Я про себя таю
Несбыточных желаний очертанья.

Неясных грез, видений череда,
Прекрасных стран волшебные просторы.
Мне все равно: ты знаешь, никогда
Мне не уйти в Сиреневые горы.

Я пью вино. Бутылка на столе,
Полупустая пачка «Беломора»...
Какая тайна в заоконной мгле,
В туманной цели бесконечных споров?

Я не нашел себя. Я выдохся в пути.
Я оказался слаб и равнодушен.
Идти вперед? Не ведая, идти?
Нести всю жизнь пылающую душу?

Зачем?.. Кому?.. Пускай ревет вода,
Пускай сверкают звездные просторы...
Мне не дойти... Ты знаешь, НИКОГДА
Мне не попасть в Сиреневые горы!

13 августа 1977

* * *

Может, это страна такая?
Или сам я, увы, такой?
Я во что-то не проникаю
Со своею, увы, тоской.

Что за мука! Какая мука!
Болен ум или что с душой?
Нету встреч, но всемирна разлука,
Я чужой, я повсюду — чужой!..

1990

НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНА

В районе нашем все спокойно.
Обычно, много не стреляют.
И роются бомжи в помойках,
Дерьмо кошачье разгребают.

Что ищут? — На бутылку водки —
Пустые банки. Корки хлеба.
До дыр заношенные шмотки...
В прикиде «новом» отобедать?

Всему, что раздобудут, рады.
А много — отдадут и детям,
Что попрошайничают рядом,
Из люков выйдя на рассвете.

И в городе у нас спокойно.
На каждом перекрестке — нищий.
На каждом чердаке — покойник.
И в каждом сердце — пепелище.

Кого волнует имя града?
Кого страны волнует имя?..
Нам настоящее — награда
За все разбитые святыни.

29 сентября 1998

НА СЛУЖБЕ

Сказали им: «Надо изменить мир!..»
И стали они путать понятия,
меняя названия,
первое называя вторым,
второе — третьим,
и перепутали все:
настоящее с прошлым,
а прошлое — с будущим.
Стало расползаться у них настоящее
и распалось совсем.
Не стало у них настоящего,
отвалилось прошлое,
и не росло будущее.
И жили они в безвременье,
без понятия, кто они и зачем,
не зная, где — на земле они,
в земле или на небе,
есть Бог, или нет Его,
и кому служат они...
Но служили.
И не задавали вопросов,
считая службу свою — главным...

5 июля 1988

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛОВА

...И когда все слова были пережеваны
и жевать уже было нечего,
пришел новый бюрократ
и принес два слова, сказав:
«Вот вам два слова сегодня,
во имя ЗАВТРА.
Слова эти — «Пе-ка» и «Г-ть».
И опять поверили люди.
Схватили, изголодавшиеся, новые слова
и стали жевать их,
ожидая радостно ЗАВТРА,
но не наступило ОНО,
сколько слова эти ни повторяли.
Но, когда хотели есть,
говорили: «Пе-ка!» — и были сыты;
а когда желали, но не знали чего,
говорили: «Г-ть!» — и были довольны.
И ЕЩЕ МНОГО ЛЕТ
В ГОСУДАРСТВЕ БЫЛО СПОКОЙНО:
одни ели чужой хлеб,
а другие — слова...

6 июля 1988

ЗАСТОЛЬНЫМ ДРУЗЬЯМ

Нам всем осталось лишь пол шага,
Уже нога занесена...
И вот к безумию преграда
С последней стопкой сметена!

Мы разною пришли дорогой
И вышли вместе — в никуда.
Мы обещали слишком много,
Не исполняя никогда.

Давно устала ждать надежда,
Не будет долго ждать беда.
Как мы безумны были прежде!
Так, неужели, — навсегда?!..

Январь 1983

* * *

Меня отринуло отечество.
Ненужный вовсе никому,
Я, неизвестный человечеству,
Из тьмы шагаю снова в тьму.

Зачем я жил? Зачем был создан?
Зачем учился я словам?
Построил землю, солнце, звезды,
Ненужные сегодня вам...

31 октября 1988

УЛИЦА

В жизни — что-то не так!

Ежели оглянуться
и на минуту поднять флаг
восстаний и революций,
ежели посмотреть
незалинзованными глазами, —
надо посметь,
чтобы глаза смотрели сами, —
сумасшедшая жизнь!
Для чего
каждый живет —
никто не знает.

Выйдешь на улицу —
зачем такая улица?
Улица, как курица:
«Куда? — К!
Куда? — К!»
Кто — в «Фрукты».
Кто — в «Вино».
А кто — в «Табак».
Глупо.

Дома — гладкие, как скорлупы,
и такие же одинаковые,
как яйца.
Кто мы между ними? —
Скитальцы!
Налево — дом. Направо — дом.
Окна тикают, как метроном.
Улица под ногами асфальтится,
оскаливается
и отталкивается.
— Куда вы? Куда вы?
— А мы — для забавы.
Надоело хмуриться,
веди меня, улица!..

Прошел.
И — что?
Глянул прямо.
Ясно, он —
чему ж и быть-то еще? —
гастроном!
Реклама наверху поясняет так:
«Фрукты. Вино. Табак.»

Улица, плоская, серая, длится.
Улица обезличивает лица.

Рванешь за угол,
оглянешься жалко —
может, хоть здесь не так?
Прямо в глаза реклама-зажигалка:
«Фрукты. Вино. Табак.»
Затравленный, глупый,
как зверь в зоопарке,
прижмешься к березке
в малюсеньком парке.
И мысль будет твердить так:
«Дело твое, парень, — табак!
Пойдем в «Вино»,
не все ли равно?
С бутылкой портвейна
станет веселее нам.»

Дома отсчитывают шаги
гибели «я».
А люди — идут...
У людей головы —
как маленькие магазины,
и мысли — промагазиненные.

И я пойду.
Может, в сад у?..
Продам? Куплю?

Вещи, и вещи!
У вещей не лапы — клещи.
Укус вещей,
как укус клещей, —
на всю жизнь болезнь.
Ты не лезь к ним!

А люди все — замагазиненные!
Напрасно! Напрасно!
Нет больше прекрасного!
Но мысль ясна.
И голова — ясная:
зато есть «Крепкое красное»!

. . . . . .

Проснешься утром с чужою головой,
хоть вой.
В окно — улица,
как огромная, серая канава...
Как грязно и мерзко в канаве,
право!

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО

Смотрели прямо на меня
Края кровавые воронки.
И я был посреди огня.
В кричащем маленьком ребенке.

Прямой наводкой смерть вела
Огонь из тысячи орудий...
Война давно уже прошла,
Ее почти забыли люди,

И это — фильм. При чем здесь я,
Для нового рожденный века?..
Как дико! Словно муравья,
Вдруг раздавили человека.

При чем?.. Но, если это мать —
В орущем месиве воронки,
И мне придется умирать
Вот в этом маленьком ребенке?

В кино иль в жизни? Тишина.
Все пушки бьют. Темно от боли.
Меня с ума свела война,
И я в чужой погибну роли.

Умру, разорванный борьбой
В себе. Но все разрушу цепи.
Воскресну вновь... И выйду в бой —
За все, что дорого на свете!

28 марта 1976

* * *

Какая грязь и мразь кругом!
Зачем живу? Зачем я создан?
Смотрю на серый небосклон,
С трудом припоминая звезды.

Брожу в толпе чужих людей
И думаю: кому я нужен
С моим незанятым умом,
С душой, не вылезшей наружу?..

22 декабря 1988

МОИ ОДНОКЛАССНИКИ

Умирают мои одноклассники...

Талантливый парень, сын генерала,
умер от беспробудного пьянства;
другая, красавица,
в тридцать лет
скончалась от рака матки,
после бесчисленных абортов;
третий — пытался покончить жизнь
самоубийством,
чудом выжил — калека;
еще один, летчик, — разбился;
пятый, здоровяк,
начальник экспедиции, —
заболел в поле неизвестно чем,
через два дня умер...

Черт знает, какая гадость везде!

Кто еще? Я не знаю...
Все разбрелись, потеряли друг друга.
Всем наплевать.
Мы дружили, пока пили вместе.

Проклятое наследие семидесятых!
Это ты тянешься за нами,
за каждым — поодиночке...

30 октября 1988

ПРОЩАНИЕ БЕЗ КОНЦА

Уносят друзей и любимых года.
Но вдруг, по неясным законам,
Все то, что, казалось, ушло навсегда,
Становится снова знакомым.

И лица далекие снова влекут
К былым временам возвратиться.
Но только лишь пять драгоценных минут
Даны нам опять — чтоб проститься...

1978

* * *

Он приходил и смеялся над нами,
Над мыслями нашими и над делами,
Мечтами ослепшей, оглохшей души...
Как жутко ему себя было смешить!
Он был непонятен, загадочный гений,
С улыбкой видений и грез на лице.
Как будто принцесса из царства
сомнений
Его целовала на тайном крыльце.
Он знал колдовство вдохновений.
Созвездья
Ему лепетали про тайны,
И бездны
Он видел в движенье случайном
Растений...
Он детскими нам улыбался глазами...
И мир, в необъятной его красоте,
Он видел таким, как мы видели сами
В забытой давно уже нами мечте.
Как страшно нам было, когда
приходил он!
Чего он желал? И зачем говорил он,
Что мы — мертвецы и, прошедшего тени,
Себя лишь, умерших, мы любим и ценим.
Он — кто?..

6 августа 1977

* * *

Пьянка! Пьянка! Пьянка!
Черная, не просыхающая пьянь...
Судьба моя, скатерть-самобранка,
Выставляй стакан!
Давай выпьем, давай!
Ну, к черту все!
Хватит ныть ведь,
Сосать квасок.
Водки! Водки!
Еще больше водки!
Так, чтобы через край.
Всем, кто не пьет, — продырявим глотки.
Давай, наливай!..
Ну, пей! Друг или кто там?
Кто ты?.. Черт или баба — пей!
Душа моя, не знай заботы,
Пьяней!
А ты?.. ты! ты, рожа!
Куда ты? Ты что же, не хочешь пить?..
Всех гадов — перевешать.
А прочих, гожих,
Пока не сдохнут, суки, — поить!

1974

ЖЕЛАНИЕ

Я хочу, чтоб меня расстреляли
У высокой-высокой стены.
Чтоб вокруг часовые стояли,
Но никто бы не ведал вины.

Чтобы рядом березки шумели,
Чтобы ветер глаза мне слезил,
А в груди моей — струны звенели
От избытка желаний и сил.

Чтоб мгновенья годами казались,
И природы понять голоса
Чтобы ласково мне улыбались
Из далека любимой глаза.

Чтоб веселая песня звучала,
И горячая капала кровь...
И я знал, что сто жизней мне мало,
Чтобы жизнью насытиться вновь!

1978

ВСТУПИВШИЕ В СЕМИДЕСЯТЫХ

Нас с детского сада хранили
От шишек, сомнений, тревог.
Нам в головы схему вложили,
Как высшей идеи итог.

Нам много чего обещали:
Сто десять рублей или розог.
И долгие годы клевали,
Выклевывали наш мозг.

Твердили: пути вам открыты,
По шпалам до цели — смелей!
Но станции были забиты
Составами «Учителей».

Над праздником нашим светилась
И не могла согреть
Вышечная справедливость:
В сторону шаг — не сметь!

И все-таки были поэмы,
Гипотезы, чертежи,
Но, что не влезало в схемы,
Клеймилось на кафедрах лжи!

И холодно отвергалось,
И складывалось в столы,
И в коридоры швырялось
Бюрократической мглы...

Открыты и увлеченны,
Мы натыкались на
Уверенные волноломы,
Гасящие лучшее в нас.

Сермяжная правда стакана,
И папироса в зубах,
И всюду портрет истукана —
Вот наша судьба!

Так головы наши хранили
В спирту — не случилось чего б,
Безумные нас хоронили
И сами ложились в гроб.

. . . . . .

Росли мы во лжи, в тумане.
Пронзителен правды свет:
Как здорово нас подранила
Крыса застойных лет!

. . . . . .

Мы лозунгами закормлены.
Но наши сердца чисты.
Для жизни сегодня вспомним
Каждый — свои мечты!

И ныне мы будем драться!
Мы знаем за что стоять:
Пробовать, ошибаться —
Жить, а не умирать!..

17 июня 1987

* * *

В какой Галактике он жил,
Какой Вселенной?
Кого любил, с кем он дружил,
Был откровенным?
Ведь ни один живой не мог
Быть всюду одинок...

4 ноября 1988

ПУТЬ

Шел он по жизни один, не спеша,
Словно тропинку во тьме освещал. —
Сердце горело его, как свеча...
Что ж он так дико кричал по ночам?

Что ему виделось где-то в ночи?
Кто загораживал пламя свечи?
Кто говорил ему: «Разве здесь мрак?
Сколько, смотри-ка, веселья и благ!»

Холод и сырость касались лица,
Словно бы тьма не имела конца.
И доносилось из мрака к нему:
«Вышел из тьмы и идешь ты — во тьму!»

Рыла, копыта мелькали вокруг,
Тысячи жадных тянулися рук...
Все ему чудилось в вихрях ночных,
Что вовлекался он в торжище их.

Дико и страшно тогда он кричал, —
Может, на помощь кого-нибудь звал?..
«Кто с тобой рядом?» — спросили его.
«Нет со мной рядом, — сказал, — никого!»

1986

БЕЛЫЕ ХОЛМЫ СНА

Я сплю, вижу сон... Подо мною — гора!
На белой горе — я в лучах серебра.

Весь в черном, стою, как солдат на часах.
И звезды сверкают в моих волосах!

Чернею, от жизни большой в стороне...
Вдруг мимо меня — я на белом коне,

Я, белый, на мраморно белом коне...
О, сколько во мне неизвестного мне!

И мраморный конь увлекает меня...
«Держите! Хватайте! Верните коня!» —

Кричу я вдогонку, один на горе...
Внизу моих «я» коллективных каре.

Сейчас я отправлю их скопом на бой
С судьбой. Кто из них воротится домой?

Беру я трубу, вытираю губу
И громко играю: «Все — марш
на борьбу!»

И вижу: под звездами — всюду холмы,
Толпою на бой разбегаемся «мы»...

Коня мне! Мой конь ожидает меня.
Сажусь на коня. Не ищите меня!

Куда унесет меня мраморный конь?
Спешите гадать как запляшет огонь!

Скачу я... Но вижу: в жемчужной пыли
На белой горе — я чернею в дали.

Один я... Один!.. Там, на голой горе.
И «я» поредевших сереет каре.

Назад!.. Просыпаюсь в холодном поту.
По эту я сторону или по ту?

Но снова засну... и сажусь на коня!
И мраморный конь увлекает меня
По белым холмам...

1988

МОЛИТВА ОДИНОКОГО

Придет час.
Пренебрегут тогда пренебрегавшими,
отвернутся от отворачивавшихся,
не дадут больше руки
отнимавшим руку свою от протянутой;
и станут обрекающие на одиночество —
одиноки;
и одиночество это — будет страшнее
атомной войны.
Но не будет войны, а будут они —
одиноки.
Да продлится тогда путь их...

Но Ты ведь все же придешь к ним,
как не оставил Ты и меня,
и Ты простишь всех нас, Господи?

1988

II. КУПОЛА

* * *

«И звезда с звездою говорит...»
М. Ю. Лермонтов

Торжественный, спокойный, ясный,
Свет с небес нисходит на поля.
В ночь такую, Богу лишь подвластна,
Смотрит во Вселенную Земля.

Я молчу, внимая с восхищеньем
Разговору звезд и небесам...
Вот оно, прекрасное мгновенье,
Дарящее людям чудеса!

1970

* * *

На душе восторженно и юно...
Притушите, притушите все огни!
Тронул месяц колдовские струны,
Раскрывая сказочный тайник.

Тишина насторожила уши.
За калиткой поджидает мрак...
Но замри, прислушайся, послушай:
Еле слышен шорох или шаг.

Посмотри-ка!.. Серебристым светом
Завороженный, торжественный, немой,
Бродит леший по лесным паркетам,
Выложенным синею травой.

А вон там — виднеется на крыше —
У трубы лохматый домовой...
Звездный рой чуть небеса колышет,
Расходясь таинственной игрой.

Выходи смелее за калитку!
Жду тебя — ты видишь? — впереди.
Месяц тропку сказочную выткал...
Только тише, взрослых не буди!

Мы пойдем с тобой к живому чуду —
Под сиянье вечное небес,
Чтобы юность с нами шла повсюду,
Чтоб всегда шумел в нас этот лес!

Апрель 1970

КУПОЛА

Не деревьев — церквей купола!..
Я опять не окончил страницу.
Это осень меня позвала,
Опустив золотые ресницы.

Старый город — как сказочный сад.
Только рвусь я в полет, словно птица...
Там, где мягко шуршит листопад,
Сердце в небо летит и кружится.

В самом дальнем и светлом краю,
В самой юной и праздничной роще
Я веселую песню спою,
Стану чище, прозрачней и проще.

Будут желтые листья лететь,
Выходить будут из лесу лоси...
Купола будут в небе гореть,
О любви петь
и разноголосить.

Драгоценный подарен мне клад.
Мне ночами от счастья не спится...
Это осень меня позвала,
Опустив золотые ресницы!

1977

* * *

На улице дождь, бесконечный, осенний,
Уже надоел бесконечным ворчаньем.
По крыше, по стеклам,
в пустой подоконник
Стучит, и стучит, и стучит монотонно...

Под сенью деревьев не спрятаться нынче
От капель холодных, увертливых,
скользких —
Нет листьев. Без них невозможно
укрыться
Под деревом в эту проклятую пору.

Как знать, почему так все чаще бывает:
Из комнаты теплой, уютной и светлой
Смотрю за окно я и капли считаю —
Уже надоело считать...

ЛЕСНЫЕ ВЕРШИНЫ

Передо мною купола высоких сосен,
И надо мною — купола сквозь купола...
Так через ветки светит нежно просинь,
Качаясь возле теплого ствола.

Я полон нежности, покоя лета.
Я полон бликов солнечной коры.
Вокруг меня, повсюду — море света
И запах теплой, золотой смолы.

Я слышу шелест леса, слышу пенье
Знакомых птиц и скрип стволов, корней,
Вдыхая ароматный дух растений,
Сливаясь со сплетением ветвей...

15 марта 1971

ЗИМНЕЕ УТРО В КАВГОЛОВО

Вставало солнце и с небес
Зажгло пожаром дальний лес.
Он полыхал... И ветер нес,
Как будто запах свежих роз.
Как будто розовый цветок
Там распустился, и Восток,
Даря его, перед Землей
Краснел, смущенный и немой.
Дорога, розовая шаль,
Вела, звала куда-то в даль.
И величавые леса
В себе таили чудеса...

Мир замер, словно в сказке сна.
Светилась стройная сосна,
И зеленью сияла ель,
Снежком умытая в метель.
Сойти хотелось мне с дорог,
Где тысячи топтались ног,
И, утопая средь снегов,
Искать повсюду колдунов,
Раскрасивших поля и лес
В цвета волшебные небес.

Но оглянулся я... Село
Снегами за ночь замело.
Над нежной розовостью крыш
Застыла утренняя тишь.
И под сиреневой трубой
Сидел, казалось, домовой.
Там струйка белого дымка
Клубилась, пенисто-легка.
Он с ней играл и таял в ней,
Виденье стародавних дней.
И платья снежные берез
Брильянтами зажег мороз...

Казалось, здесь была и Ты.
Как будто все сбылись мечты,
И мы сейчас с Тобой вдвоем
В прекрасный этот мир войдем,
Чтоб всегда шумел в нас этот лес!
Ты мне шепни тихонько: «Да!..»

19 января 1971

У КОСТРА

Грустно. Одиноко.
Дым сухой и едкий.
Надо мной высоко
Тихий шелест в ветках.

Теплится и тает,
Но храбрится пламя,
Темноту хватает
Жадными губами.

Мечется и злится,
Не слепит, но светит...
Одинокой птицей
В ночь густую метит.

Вспыхивают искры
Белым, желтым, красным.
В их свеченье быстром
Грустно и прекрасно...

Чуть трещат поленья,
Обдавая жаром.
Замерло мгновенье
Золотым пожаром...

27 июля 1971

* * *

Я брошусь в зеленую вьюгу —
Зеленая вьюга кругом!
Деревья сплошной, упругою
Стеной окружают дом.

А рядом, за домом нашим,
Играючи и шаля,
Так весело, так размашисто
Качаются тополя...

Так дружно густой листвою
Прохладу хранят и тень...
На солнечном свете настояна,
Душиста и пряна сирень.

И легкая в травах дрема,
И в мыслях — веселая дурь...
Как жарко вздыхает черемуха,
Как жаждет раскатистых бурь!

И ветер весенний встречая,
Как будто с ним вместе дыша,
Мятежно, крылато, отчаянно
Взметается к небу душа...

23 марта 1972

ЦВЕТОК

Я в вазу поставил цветок полевой...
Он вместе с высокою вырос травой.

Меж синих озер, где леса и поля,
Его родила и вскормила земля.

Он солнце любил и любил облака,
И шепот веселый любил ветерка.

А к ночи, когда собирается тень,
Любил он смотреть на огни деревень...

И очень любил в предрассветное —
«быть!»
О чем-то далеком и светлом грустить.

Ловить, улыбаясь, ночную росу,
Когда просыпаются птицы в лесу...

20 июня 1971

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ

Моей матери
Людмиле Сергеевне Ивановой

День погас. На улицах темно.
Звезды засияли позолотой.
Мама заждалась меня давно,
Грусть забыть пытаясь за работой...
Подожди немного, не зови.
Я вернусь со стихов букетом —
Там последние гроздья листвы
Осыпаются с мокрых веток.
Посмотри за окно, посмотри!..
В этом призрачном свете ясно,
И волшебники фонари
Увлекают страной прекрасной.
Слышишь?.. В звездном дожде
так тихо.
Ты послушай его, не дыша.
В замирающем свете притихла
Озорная моя душа...
Слышишь, это уходит лето,
На дворе колдовство сентября.
Вон березка, смотри, в подсветах
Одинокого фонаря

Золотые раскинула ветки —
Как на праздник оделась она.
А за нею — причудливый, редкий
Свет загадочно льет Луна...
Я в сияньи небес приметил,
Словно дальний несется звон.
На свирели играет ветер,
Златокудрый танцует клен...
Тише — ночь!.. Я ловлю мгновенье,
Озаренное светом звезд.
Тишина несет вдохновенье,
Голос рифмы сегодня прост...
В листьях, чудится, ветер кружит
Нескончаемый шелк веков.
Разливается, пенится в лужах
Свет таинственный так легко!
И откуда так много света? —
Мне открылся незримый свет!
Звезды падают с неба и веток
И в стихов попадают букет...

30 сентября 1970

* * *

Спускались ниже облака —
На небо шаткие ступени.
Их белоснежные бока
Несли моря воздушной лени.

Я окунался головой
В их свежесть, утреннюю негу.
Я сам стремился чередой
Желаний, снов — к движенью,
бегу...

Бездонной зеленью травы
Я наполнял тугое тело,
Был лучиком из синевы,
Дымком от крыш струился белым.

Я был везде и был ничем,
Я был и, словно, вовсе не был...
Исчез вопрос: живу зачем?
Я просто жил — землей и небом.

10 октября 1972

* * *

Откуда-то издалека
Спешат куда-то облака.
Луна живой укрылась шалью.
Душа свободна и легка
И, чудится, как облака,
Вдруг полетит, влекома далью...

Какая в мире тишина!..
Все на земле во власти сна. —
Как мало тех, кому не спится.
Мне вся Вселенная видна,
И в книге вечности одна
Еще открылась мне страница.

1971

III. ДОТРОНУТЬСЯ СЕРДЦЕМ ДО СЕРДЦА

* * *

Когда-то ты жила
в обычном этом доме,
Обычном и похожем
на тысячи других.
Когда-то ты была
намного мне знакомее,
Дороже и знакомее
любимых и родных.

Когда на эту улицу
я прихожу, как в детство,
Забыв, что мне нельзя
ступить на твой порог,
Вдруг робко заволнуется
прирученное сердце:
Как будто мне
горит в окне
знакомый огонек...

1979

* * *

Мы все пред тобой виноваты,
И я больше всех виноват.
Не время — а кукла из ваты,
Не молодость, а листопад...

Летят помертвелые листья,
То наши надежды летят.
Как будто, сознание чистят...
Зачем? — не вернуться назад!

Что вспомним? Вчерашнюю ломку?!
В какой-то кошмарной стране
Я был безнадежно искомкан,
И ты умирала во мне...

1980

* * *

Опять наполнен я тревогой,
Мечтаю только об одном:
Чтоб над проселочной дорогой
Зазеленел скорее клен.

Я выйду на весенний ветер
И, распахнув порывам грудь,
Забуду обо всем на свете...
Чтобы с улыбкой вдруг заметить,
Что думаю... о ком-нибудь.

27 октября 1971

ЗЕЛЕНЫЙ ВЕТЕР

1.

Качаются тонкие ветки,
Свои сочиняют слова.
И свет, золотистый и редкий,
Едва пропускает листва.

Колеблются легкие тени,
Как будто бы шепчут траве:
«Здесь маленький солнечный гений
В зеленой играет листве!..»

2.

Как ветерок в лесу играл
С командою бельчат,
Я эти строки написал,
Послушай, как звучат!
Строка вольна
и, как волна,
переливается она.

Так шелестит в лесу листва,
И так звенит ручей.
Так просыпается трава
От солнечных лучей.

Так дышит небо,
и цветы,
и жизнь,
и я,
и ты...

Так сердце полнится стихом,
И птицы так поют,
И дремлет полдень под стогом,
И звери воду пьют.
Так радуюсь я, что живу.
Я это небо и траву
люблю...
Люблю!

3.

Зеленый ветер за горой
Играет на трубе.
Смотри, березовый король
Уже идет к тебе!

В березовую кутерьму —
К нему, к нему, к нему!..
Но не приблизиться к нему
Ни мне и никому.

СВИДАНИЕ С ПУШКИНСКОЙ ОСЕНЬЮ

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса...

А. С. Пушкин

Ах, осень — с блеском и тщетой...
Я, словно отрок оробелый,
Пленен прощальной красотой,
И неожиданной, и смелой.

Дни ветреного торжества,
Парада красок, танца кисти;
И ощущенья колдовства,
Когда вокруг кружатся листья!

Как хороши тогда печаль,
И трепет сердца удивленный!
Как будто вкованы в хрусталь,
Молчат величественно клены.

Сверкает иней на траве
И первый тонкий лед на лужах...
И холод колкий в голове
От дерзости грядущей стужи.

А сердце врет: люби! целуй!..
Дари охапки желтых листьев! —
Пока последнюю лазурь
Не унесут на крыльях птицы.

И я люблю весь мир, влеком
Порывом чудным вдохновенья.
Как незаметно и легко
Счастливые летят мгновенья!..

Я лаской солнечного дня
Неуловимо околдован.
Я счастлив. Я спокоен. Я
Печального восторга полон...

* * *

Осенний лес совсем сырой.
Он пахнет прелою травой
И синевой.
Сквозят сквозь кроны облака,
И листья крутятся слегка.
Ни ветерка.

Осенний лес совсем простой.
И весь, как церковь, золотой.
В нем тишина и в нем покой.
Вот он какой...

Я прихожу искать грибы,
А нахожу тропу судьбы.
Она листвой занесена,
Но мне — видна.

1990

ЖУРАВЛИ

На травах утром первый иней,
И в золоте осенних листьев
От бесконечной дали синей
Какой-то свет — прозрачный, чистый...

И в синеве, не умолкая,
Курлыча, плача и тревожа,
Уносит ветер в дали стаю,
И сам уносится с ней тоже...

И, кажется, лишь сердце слышит
Их крик. Все дальше, невесомей,
Они становятся все тише,
Все неизвестней, незнакомей...

И вот, почти растаяв в сини,
На миг как будто замолчали.
Лишь на глазах, как первый иней,
Остался хрупкий след печали...

МОРЕ И Я

1.

Оно бушевало,
Оно волновалось;
То грозным казалось,
То грязным казалось.
Оно подползало
И вновь уползало.
И, ползая, море
Мне ноги лизало...

Ялта 1976

2.

Накатывалось, откатывалось,
Шумело, шуршало,
За собой увлекало,
Танцевало и улыбалось...
Камешки разноцветные дарило...
О чем говорило?..
Светилась пена голубая —
Ты, нагая,
Из пены выходила,
Жена Морская...
Волна за волною,
Рука за рукою,
Душа с душою,
Бежали с Тобою...
Мы — море...

Сочи 1987

3.

Море — ветер и волны.
Я навсегда запомню!
Волны — море и ветер,
С чем их сравнить на свете?
Ветер — волны и море,
И все это — на просторе...
Дикой свободы полны —
Море, ветер, волны!

Волны, море, ветер,
Живут они и в поэте.
И так же дружат и спорят —
Волны, ветер и море.
И так же они огромны —
Море, ветер, волны!

Когда я в себе заметил
Волны, море, ветер —
Счастье мое и горе —
Ветер, волны, море?!..

Сочи 1987

СОН

Тихо-тихо опустила —
как ребенка пеленала,
покрывала меня долго, покрывала
сиреневым покрывалом;
чтобы сердце не застывало,
просила, просила —
долго-долго не уходила
просила, просила:
чтобы сердце не застывало,
чтобы сердце не застывало...
Плакала, целовала,
словно что-то *такое* знала,
что-то страшное от меня скрывала;
не говорила, молчала —
покрывала меня, покрывала,
кутала сиреневым покрывалом;
чтобы сердце не застывало,
просила, просила,
долго-долго не уходила —
просила, просила!
чтобы *сердце*
не застывало,
чтобы *сердце*
не застывало!..

Уходила — глаза опустила,
плакала уходила...

. . . . . .

Было холодно и сиротливо.
Было холодно, так тоскливо!
Ночь туманом дымила, дымила,
покрывала меня, покрывала
сиреневым покрывалом...
Словно что-то *такое* знала,
словно что-то *такое* было.
Было холодно и сиротливо.

* * *

Она говорила: «На улице — осень.
Ненастье и холод прокрались
и в сердце.
И лето прошло. Или не было вовсе...
И, верно, уже никогда не согреться!..»

Она говорила: «На улице слякоть,
И больше играть нет желания в прятки.
И сил не осталось смеяться и плакать,
Терять, ревновать и любить
без оглядки...»

Она говорила, дыхания тише,
Что: «Мы не одни. Пусть вам это
и странно...»
Она говорила, что: «Память нас слышит,
Запомнит и краску, и привкус обмана.»

Она повторяла мне: «Нет...»
и «Не любит...»,
«Устала, раскисла...», «Плохая
погода...»,
«А, может быть, завтра — хоть солнышко
будет...
А если не завтра, так —
через пол года!..»

Она говорила: «На улице — осень...
Не надо спешить и придумывать
счастье...»
Она говорила... А дождика косы
Совсем растрепались... Ведь было —
ненастье!

Ноябрь 1981

* * *

...Тогда, отваги полный,
Бросался в голубые волны
И плыл, пока хватало сил.
А ты глядела вдаль, смеялась...
Ах, то ли сердцу показалось! —
На гребне, в пенистой волне
Ты улыбалась только мне...
О, этой жизни глубина!..
Теперь я море пью до дна.

* * *

Людмиле Гребенщиковой

Тихонько ты так говорила,
С таким выраженьем особым...
Хоть слов я отдельных не слышал,
Но их я значение понял!

Чем тише слова ты шептала,
Тем глубже они проникали.
И вдруг показалось мне, будто
Дотронулось сердце до сердца!..

1986

* * *

Пустая в жизни полоса.
Так пошлы чьи-то голоса,
Докучливы так чьи-то лица...
И только иногда приснится
Моей душе — Твоя душа!

1970

* * *

Погаснет медленно свеча...
Какая тишина!
В мерцанье бледного луча
Вся комната видна.
Мы помолчим с тобой еще
Под музыку луны.
Ты слышишь?.. Правда, хорошо
Как шорохи слышны!
Играет в шторах череда
Неясных бликов. И душа
В чудесном сне... Скажи мне: «Да!»—
Еще раз... Хороша
Как ночь! Как ночь тиха!..
Качается в окне луна.
Ты рядом. Трепетом стиха
Вся комната полна.

1977

* * *

Над белой водой поднимается ветер,
Сначала чуть слышно, потом —
все заметней.

На темном стекле появляются знаки,
Как будто сигналы далеких галактик.

На кронах деревьев рисуются буквы,
Как будто бы к ним подключился
компьютер.

Как будто из самых основ мирозданья
Пытается что-то пробиться в сознанье.

Я знаки встречаю повсюду, повсюду!
Весь мир необъятный — единое чудо.

Волнение странное чувствую в венах
Повсюду: во мне, вне меня — перемены,

Из тела расту я, как отрок из платья.
Вселенная мне раскрывает объятья.

Какой-то другой намечается ракурс.
А может, иной получаю я статус...

И в разуме вдруг разрывается бездна,
Как будто бы вечность пространства
разверзла.

И то, что казалось мне тайной и чудом,
Во мне, и со мной... Я — повсюду!
Повсюду!!..

1998

* * *

Меня ты за руку вела —
Едва моих касалась пальцев!
Как будто вечного скитальца
В дорогу новую звала.

Ты улыбался мне, пьяня,
И счастья луч был чист и звонок...
Ты просто — маленький ребенок,
Душой похожий на меня!

31 мая 1998

* * *

Посвети на лицо мне глазами своими —
И лицо мое станет светлее.
Назови меня! Я позабыл свое имя
И припомнить один — не умею.

Как назвать, как прочесть ты захочешь
меня?
Ночь бездонна, лишь ты мне сияешь
во мраке!
Если ты вдруг исчезнешь, исчезну и я.
Так во тьме остаются ненужные знаки...

СОДЕРЖАНИЕ

I. НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНА 3
Колокола 3
Пустой шум 4
Отчисленные со службы 4
«Пустынный мир. Пустыня позади. . .» . . 5
Сиреневые горы 6
«Может, это страна такая? . .» 7
Неизвестная страна 8
На службе 9
Государственные слова 10
Застольным друзьям 10
«Меня отринуло отечество. . .» 11
Улица 15
Документальное кино 16
«Какакя грязь и мразь кругом. . .» . . 17
Мои одноклассники 18
Прощание без конца 19
«Он приходил и смеялся над нами. . .» . . 20
«Пьянка! Пьянка! Пьянка!» 21
Желание 22
Вступившие в семидесятых 24
«В какой Галактике он жил. . .» . . . 25
Путь 26
Белые холмы сна 28
Молитва одинокого 29
II. КУПОЛА 29
«Торжественный, спокойный, ясный. . .» . 29
«На душе восторженно и юно. . .» . . . 29

Купола 31
«На улице дождь, бесконечный, осенний. . .» 32
Лесные вершины 33
Зимнее утро в Кавголово 34
У костра 36
«Я брошусь в зеленую вьюгу. . .» 37
Цветок 38
Золотой дождь 39
«Спускались ниже облака. . .» 41
«Откуда-то издалека. . .» 42
III. ДОТРОНУТЬСЯ СЕРДЦЕМ ДО СЕРДЦА
«Когда-то ты жила в обычном этом доме. . .» 43
«Опять наполнен я тревогой. . .» 44
«Мы все пред тобой виноваты. . .» 44
Зеленый ветер 45
Свидание с пушкинской осенью 47
«Осенний лес совсем сырой. . .» 49
Журавли 50
Море и я 51
Сон 53
«Она говорила: «На улице — осень. . .» . 55
«Тогда, отваги полный. . .» 56
«Тихонько ты так говорила. . .» 57
«Пустая в жизни полоса. . .» 57
«Погаснет медленно свеча. . .» 58
«Над белой водой поднимается ветер. . .» 59
«Меня ты за руку вела. . .» 60
«Посвети на лицо мне глазами своими. . .» 61
Содержание 62

И 18 **Иванов В. А.** Неизвестная страна: Стихотворения. — СПб.: «ЛИО РЕДАКТОР», 1998. — 64 с.
ISBN 5—7058—0343—5

Виталий Иванов — петербургский поэт. Печатался в альманахах «Молодой Ленинград», «Вече».

В 1992 году вышло отдельное издание философских эссе «Мысли о вечном. Свой путь России».

«Неизвестная страна» — первый поэтический сборник автора, в котором равнозначны философская и любовная лирика.

84.Р7

Виталий Альбертович ИВАНОВ

НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНА

Стихотворения

Редактор *И. А. Сергеева*
Художественный редактор *Н. П. Кооль*
Корректор *Е. Н. Капустина*
Технический редактор *И. А. Андреева*

Лицензия № 070384 от 5 апреля 1997 г.
Сдано в набор 22.12.98. Подписано в печать 19.01.99. Формат 60×90 1/32. Бумага офсетная.
Печать высокая. Печ. л. 2. Тираж 500 экз.
Заказ 352.
«ЛИО РЕДАКТОР», 190008, С.-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 170.

Типография ОАО «ВНИИГ им. Б. Е. Веденеева», 195220, С.-Петербург, Гжатская ул., д. 21.